

30761

1/2 1/2 1/2
1/2 1/2 1/2
1/2 1/2 1/2

VI.

41

А. Богдановъ.

1901

1268

~~420~~ ⁹/₉

ПОЗНАНИЕ

211

241

135

съ исторической точки зрѣнія.

Цѣна 1 рубль.

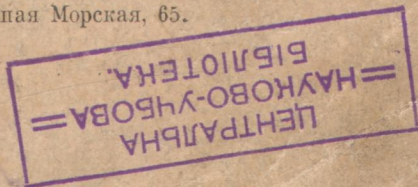

12 JUN 1934

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія А. Лейфорта, Большая Морская, 65.

1901.

ИЗДАНИЯ

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

- В. Базаровъ.** Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность. Цѣна 40 к.
- Т. Барвенкова.** Раздолье (повѣсть). По способу Коха. На мели (разсказы). Цѣна 80 к.
- А. Богдановъ.** Краткій курсъ экономич. науки. 2-е изданіе, переработанное и дополненное. Цѣна 1 р. 50 к.
- Л. Василевскій.** Современная Галиція (съ картой). Цѣна 80 к.
- Ч. Вѣтринскій.** Среди латышей (съ 12 рисунк.). Цѣна 25 к.
- Ф. Д. Нефедовъ.** Сочиненія тт. III и IV. Цѣна по 1 р. (I и II тт. вышли въ изд. К. Т. Солдатенкова).
- Его-же.** Святочные разсказы. Цѣна 60 к.
- И. Озеровъ.** Общества потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Краткое руководство къ основанію и веденію потребит. обществъ. Съ предисловіемъ академика И. И. Янжула. 2-е изданіе, значительно дополненное и исправленное. Цѣна 2 р.
- А. Погорѣловъ.** Мракъ и Передъ грозой. (Изъ жизни Приуралья). Цѣна 80 к.
- В. Стрешевскій.** Повѣсти и разсказы. Цѣна 80 к.
- Танъ.** Чукотскіе разсказы (съ 12 рисунк.). Цѣна 1 р.
- Его-же.** Стихотворенія. Цѣна 80 к.
- Н. Тимковскій.** Повѣсти и разсказы. Цѣна 1 р.
- Евг. Чириковъ.** Инвалиды. Чужестранцы и др. разск. Цѣна 1 р.
- Ол. Шрейнеръ.** Грезы и сновидѣнія. Перев. Ц. В. Цѣна 25 к.

Готовятся къ печати:

- Ч. Вѣтринскій.** Божьи дѣти. **С. Н. Кривенко.** На распутьи (культурн. скиты и культурн. одиночки). **Ө. Павловъ.** (Ө. П.). За десять лѣтъ практики (изъ фабричн. воспоминаній и впечатлѣній).

ГЛАВНЫИ СКЛАДЪ: Москва, Моховая, 26, магазинъ «Книжное Дѣло». Книгопродавцамъ—обычная скидка. Выписывающіе изъ склада на 2 р. и болѣе за пересылку не платятъ.

Всѣ означенныя изданія имѣются въ продажѣ въ провинціи, между прочимъ, въ магазинахъ: П. И. Макушина (въ Томскѣ и Иркутскѣ), г. Идзиковскаго (въ Кіевѣ), Юж. Русск. Т-ва (Одесса, Пушкин., 20). Книжн. Складъ Саратовск. Земства (Саратовъ). Книжн. Складъ Вятскаго Земства (Вятка), Ю. В. Волковой (Ялта), Башмаковыхъ и Дубровина (Казань), Петровской (въ Пермь).

1901
1268

А. Богдановъ.

420 $\frac{2}{9}$

ПОЗНАНИЕ

съ исторической точки зрѣнія.

241
241

30761

Цѣна 1 рубль.

ЦНБ ХНУ ім. В.Н. Каразіна
2010 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія А. Лейферта, Большая Морская, 65.

1901.

Проверено
МНБ 1938

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХД
Інв. №

450
2/2

A. ПОЛАНОВ

1907
1908

ПОЗНАНИЕ

1907
1908

СВ. ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ

1906

С. ПЕТЕРБУРГ

Възвѣщеніе А. П. Платона

ИМПЕРАТОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1907

1907

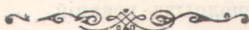
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ автора	Стр. I
 I. О всеобщемъ методѣ.	
1. Точка зрѣнія	1
2. Энергетическій методъ и критическій монизмъ	7
3. Энергетическій методъ и біомеханика Авенариуса	13
4. Порядокъ изслѣдованія	23
 II. Познаніе, какъ приспособленіе.	
1. Психическія реакціи.	
a) Біологическая причинность	26
b) Роль психическихъ реакцій въ сохраненіи жизни	33
c) Подборъ психическихъ формъ	40
d) Три типа психическихъ реакцій	47
e) Происхожденіе трехъ типовъ психическихъ реакцій	54
f) Значеніе трехъ типовъ психическихъ реакцій	58
2. Формы сознанія.	
a) Значеніе и мѣсто сознанія въ психич. реакціяхъ	63
b) Неполныя психическія реакціи	67
c) Значеніе неполныхъ реакцій	73
d) Гармонія и противорѣчія въ мірѣ сознанія	78
3. Выработка формъ сознанія.	
a) Процессъ обобщенія	85
b) Процессъ различенія	95
c) Монистическая тенденція въ развитіи сознанія	100
4. Общественность.	
a) Первичная стадность	107
b) Подражаніе	109
c) Сотрудничество	113
d) Общественный подборъ	115

	Стр.
5. Выражающія реакціи.	
а) Ихъ происхождение и значеніе	119
б) Типы выражающихъ реакцій	122
с) Выражаемое и форма выраженія	126
6. Формы познанія.	
а) Опредѣленіе	128
б) Біологическое значеніе	133
7. Выработка формъ познанія.	
а) Познавательная пластика	137
б) Познаніе истинное и ложное	140
с) Монистическая тенденція въ познаніи	149
д) Познаніе въ общемъ ряду психическихъ явленій	156

III. О методѣ исторической теоріи познанія.

1. Мѣсто исторической теоріи познанія въ общемъ рядѣ наукъ	161
2. Дедукція въ различныхъ наукахъ	165
3. Абстрактный методъ въ общественныхъ наукахъ	168
4. Абстрактный методъ въ исторической теоріи познанія	173
5. Матеріалистическій моментъ въ абстрактномъ методѣ теоріи познанія	176
6. Внѣ-познавательныя основы познанія	180
7. Формы сотрудничества и монистическая тенденція	187
8. Дальнѣйшій ходъ изслѣдованія	191
9. Общія типы формы сотрудничества и формъ мышленія	194
10. Типы труда и типы мышленія	203
11. О границахъ эклектизма	209
12. О предпосылкахъ познанія	213

ОТЪ АВТОРА.

Изъ всёхъ упрековъ, какіе возможно сдѣлать переживаемой нами эпохѣ, безспорно, наименѣе основательнымъ былъ бы упрекъ въ недостаткѣ разнообразія, движенія, интереса. Наше время причудливо сплетаетъ самыя различныя жизненныя отношенія, совмѣщаетъ въ себѣ самыя далекія одна отъ другой историческія формаціи, порождаетъ новыя и новыя формы борьбы съ ея измѣняющимися тенденціями.

Идейная жизнь общества опредѣляется жизнью практической, являясь одновременно ея продуктомъ и ея орудіемъ. Разнообразие и борьба реальныхъ отношеній вызываетъ разнообразіе и борьбу идей. Здѣсь общество выступаетъ передъ познаніемъ, какъ система стихійно возникающихъ соціально-групповыхъ союзовъ, то рѣзко отграниченныхъ, то незамѣтно сливающихся между собою, связанныхъ безчисленными нитями сотрудничества, разъединенныхъ безчисленными проявленіями вражды.

Въ этой грандіозной картинѣ много яснаго, чистаго свѣта, много яркихъ, рѣжущихъ глазъ красокъ,—но всего больше неопредѣленныхъ, расплывающихся тѣней. Подойдите къ ней ближе—и общія очертанія исчезаютъ изъ глазъ; выступаютъ мелкія точки и штрихи. Вмѣсто общества, вмѣсто группы передъ вами только отдѣльныя личности. Это въ нихъ живетъ общество и группа, это онѣ чувствуютъ и стремятся, познаютъ и дѣйствуютъ; это изъ нихъ, полу-сознательныхъ атомовъ стихійнаго цѣлаго, образуется общественный союзъ; это ими, крошечными слагающими гигантскихъ силъ, ведется общественная борьба.

Какъ ни узокъ психическій міръ личности, но стоитъ внимательно въ него взглянуть—и передъ нашимъ воображеніемъ невольно вновь обрисовывается общая картина жизни соціальнаго цѣлаго. Пропорціи отдѣльныхъ образовъ, правда, измѣнены во многомъ,—нарушены отчасти и отношенія тонъ,—кое-гдѣ даже свѣтъ и тѣнь измѣнялись мѣстами; и все-таки въ психикѣ личности мы находимъ отраженіе коллективнаго существованія. Зеркало можетъ быть плохое или хорошее, отраженіе извращенное или точное,—для того, кто умѣетъ находить связь явленій, разница только въ трудности ея отысканія.

Жизнь отдѣльной психики тѣмъ въ большей степени отражаетъ жизнь общества, чѣмъ шире кругозоръ человѣка, чѣмъ полнѣе его существованіе. Разнородность и противорѣчія отношеній внутри общества ведутъ къ разнородности и противорѣчіямъ въ предѣлахъ психики. Но здѣсь и то и другое выступаетъ съ особенной яркостью.

Идеи различныхъ временъ, различныхъ классовъ не уживаются безъ борьбы даже тогда, когда онѣ воплощаются въ отдѣльныхъ группахъ, и тѣмъ болѣе тогда, когда онѣ встрѣчаются въ предѣлахъ одного личнаго сознанія. Если различные тѣла рѣзко сталкиваются между собою въ безконечномъ пространствѣ природы, то насколько должно быть тѣсно различнымъ формамъ мышленія въ узкой сферѣ отдѣльной психики...

Примиреніе борющихся элементовъ, гармоническая цѣлостность мышленія достигается лишь тогда, когда определенная система идей одерживаетъ рѣшительную побѣду и подчиняетъ себѣ или устраняетъ всѣ остальные. Но это и не легко достигается, и далеко не всегда бываетъ возможно. При извѣстныхъ условіяхъ — нерѣдко, условіяхъ довольно общаго характера, подчиняющихъ себѣ не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыя соціальныя группы — мышленіе долго сохраняетъ въ себѣ глубокія внутреннія противорѣчія, которыя лишь временно сглаживаются при помощи самыхъ неустойчивыхъ компромиссовъ между взаимно враждебными системами идей. Получается весьма не-эстетичная картина спутаннаго, колеблющагося мышленія, картина, столь характер-

ная для переходныхъ группъ общества и для переходныхъ періодовъ развитія.

Кажется, никогда до сихъ поръ спутанность мышленія не достигала такой большой степени и такого широкаго распространенія, какъ въ наше время. Въ различной мѣрѣ, она наблюдается среди массы идеологовъ самыхъ различныхъ общественныхъ формъ; она захватываетъ даже очень многихъ представителей тѣхъ идеологій, которыя до сихъ поръ съ наибольшей жизненностью соединяли наибольшую опредѣленность и внутреннее единство.

Въ этомъ отношеніи наше отечество врядъ-ли уступить пальму первенства какой-либо другой странѣ. Одинъ изъ нашихъ отечественныхъ идеологовъ—г. Прокоповичъ—далъ самую удачную характеристику того печальнаго психическаго состоянія, которое порождается спутанностью мышленія: въ предисловіи къ своей книгѣ онъ сообщаетъ, что „растерялъ“ значительную долю своихъ „предпосылокъ“. Наши отечественные идеологи дали и самые блестящіе образцы такой „растерянности“. Такъ, г. Струве выражалъ недоумѣніе по поводу того, какое объективное различіе существуетъ между эксплуатацией человѣка, лошади и машины, а затѣмъ энергично требовалъ, чтобы фетишизмъ былъ снова введенъ въ науку, которой не безъ усилій удалось отъ него избавиться. Г. Туганъ Барановскій одновременно пытался исправить и опровергнуть теорію трудовой цѣнности. Г. Бердяевъ предложилъ признать для мірового процесса нравственныя цѣли—не на основаніи какихъ-либо аргументовъ, основанныхъ на фактахъ и логикѣ, а просто „а priori“, въ силу того, что упомянутый авторъ не можетъ представлять себѣ дѣло иначе. Онъ же намѣчаетъ новые пути для научнаго изслѣдованія, настаивая на желательности и полезности того, чтобы физическія и химическія явленія объяснялись черезъ социальныя. Призывы—назадъ къ Лассалю, назадъ къ Фихте, назадъ къ Канту,—вообще куда угодно, только не впередъ, раздаются изъ устъ многихъ искренне-прогрессивныхъ идеологовъ....

Къ подобнымъ явленіямъ мало отнестись критически—ихъ надо также объяснить. А для этого необходимо изслѣдовать тѣ общія условія, которыми порождаются такія или иные формы

мышленія, въ ихъ разнообразіи, въ ихъ противорѣчіяхъ; необходимо установить тѣ общія законности, которыя связываютъ идейную жизнь личности съ объективными условіями ея существованія. Задача очень сложная и очень трудная; способы ея разрѣшенія едва намѣчаются въ наше время.

Предлагаемая работа посвящается не столько прямому разрѣшенію этой задачи—оно врядъ ли вообще можетъ быть теперь выполнено, и потребуетъ, вѣроятно, еще не мало коллективного труда,—сколько выясненію—въ существенныхъ и основныхъ чертахъ—научнаго метода ея изслѣдованія.

«Научность» метода есть его познавательная полезность, и обнаруживается лишь практикой его примѣненія. Поэтому и въ данномъ случаѣ методъ, о которомъ я говорю, можетъ быть признанъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ на опытѣ оказался способнымъ уже въ настоящее время привести хотя къ самому общему и приблизительному рѣшенію вопроса. Такимъ образомъ выясненіе метода должно идти рядомъ съ его примѣненіемъ, безъ котораго оно, въ сущности, даже невозможно. Однако это примѣненіе метода въ рамкахъ нашей работы занимаетъ по необходимости второе мѣсто, такъ что общій ея характеръ остается все-же методологическій.

Работа представляетъ изъ себя самостоятельное цѣлое; тѣмъ не менѣе, она стоитъ въ нѣкоторой генетической связи съ предыдущей моей работою—«Основные элементы историческаго взгляда на природу». Тамъ излагались существенныя черты современнаго монистическаго міросозерцанія, поскольку оно намѣчается въ возрастающемъ единствѣ научныхъ методовъ; здѣсь болѣе подробно выясняется и обосновывается примѣненіе той же точки зрѣнія въ области фактовъ познанія.

Правда, за истекшія промежутки времени воззрѣнія автора успѣли въ нѣкоторыхъ, немногихъ частностяхъ измѣниться, а въ иныхъ случаяхъ—приобрѣсти новую формулировку, которая казалась автору болѣе опредѣленной и отчетливой. Но неизмѣннымъ осталось все существенное, и прежде всего, конечно, основное стремленіе автора—стремленіе разсматривать всѣ современные методы научнаго объясненія, какъ логически подчиненные принципу сохраненія энергіи.

XIX вѣкъ пережилъ много переворотовъ въ наукѣ, но одинъ изъ нихъ господствуетъ надъ всѣми другими, объединяетъ ихъ, резюмируетъ ихъ въ себѣ: это переворотъ въ содержаніи идеи причинности. Старое понятіе причинности сводилось къ необходимой, постоянной послѣдовательности двухъ явленій, и только,—такъ что причина и слѣдствіе выступали, вообще говоря, и качественно, и количественно различными между собою. Новое понятіе заключается въ признаніи количественнаго равенства и существеннаго тождества причины и слѣдствія, какъ двухъ стадій одного непрерывнаго процесса. Это послѣднее, энергетическое, пониманіе причинности и составляетъ основу метода, объединяющій принципъ изслѣдованія какъ прежней работы, такъ и предлагаемой теперь читателю ¹⁾.

¹⁾ Я думаю, нѣтъ надобности специально выяснять, насколько громадно различіе между старымъ понятіемъ причинности и новымъ; оно слишкомъ очевидно даже въ такой сжатой формулировкѣ, какъ приведенная мною. Дѣйствительно это—различіе двухъ міровыхъ періодовъ развитія науки.

Здѣсь не могу не коснуться одного довольно характернаго факта. По поводу моей прежней работы, посвященной какъ разъ популяризаціи энергетическаго пониманія причинности, нѣкто П. Берлинъ („Жизнь“, 99 г., 10) писалъ: „... причинность авторъ понимаетъ вполне въ духѣ Милля“... Миллю энергетическое понятіе причинности осталось вполне чуждымъ: въ своей „Логикѣ“ онъ излагаетъ старое понятіе; оно и обрисовано мною выше именно въ выраженіяхъ Милля.

Курьезно, что въ той же фразѣ, въ которой упомянутый рецензентъ сдѣлалъ такую грубую ошибку противъ азбукъ даннаго вопроса, онъ скромно выражаетъ сожалѣніе, что авторъ „Осн. элем. историч. взгляда на прир.“ „не стоитъ въ данномъ вопросѣ на высотѣ современной науки“.

Все это, въ связи съ бѣглымъ немотивированнымъ замѣчаніемъ того же рецензента о „досадномъ дилеттантизмѣ“, который проявляется въ естественно-научныхъ вопросахъ у автора „Осн. эл.“ (кстати сказать—естественника и врача), все это заставило меня заинтересоваться литературно-научною дѣятельностью г. Берлина. При этомъ изъ массы рецензій и мелкихъ замѣтокъ упомянутаго литератора выяснилось, что онъ специалистъ не только въ естественныхъ наукахъ, но также въ гносеологіи, философіи, исторіи, въ политической экономіи, исторіи разныхъ странъ, въ сравнительной филологіи... Его безусловная компетентность во всѣхъ этихъ областяхъ убѣдительно доказывается многочисленными, обыкновенно необоснованными, указаніями на дилеттантизмъ разбираемыхъ авторовъ, ихъ недостаточную начитанность, а также упоминаніями о „высотѣ современной науки“. Вотъ, напр., въ какомъ тонѣ говоритъ онъ по поводу маленькой (въ 20 страницъ) популярной брошюры г. Ганнушкина „О социальномъ вопросѣ въ Египтѣ“. („Жизнь“, 900, 8): „Брошюра г. Г. не представляетъ ничего цѣннаго или оригинальнаго. Она—простая популяризація трудовъ современныхъ египтологовъ. Данная заим-

Такъ какъ эта точка зрѣнія наиболѣе оспаривается въ настоящее время именно по отношенію къ области фактовъ сознанія, то самая ея обосновка необходимо должна была принять здѣсь въ значительной мѣрѣ полемическій характеръ. Особенно важны съ моей точки зрѣнія два момента полемики: во-1) доказательство того, что нѣтъ оснований считать энергетическій методъ непримѣнимымъ въ какой бы то ни было области опыта, и что наоборотъ, его отрицаніе есть отрицаніе возможности научнаго познанія вообще (первые два параграфа работы); во-2) доказательство того, что нѣтъ никакой возможности «гносеологически» установить абсолютныя границы познанія, что попытки такого ограниченія основаны на логическихъ ошибкахъ (послѣдній параграфъ).

Во всякомъ случаѣ, главная моя задача была не отрицательно-критическая, а положительная: показать, какимъ образомъ на основѣ наличнаго опыта и существующихъ научныхъ теорій можетъ быть найдена прочная руководящая нить для непрерывно прогрессирующаго анализа сложнѣйшихъ фактовъ познанія. Въ какой мѣрѣ это выполнено, судить не мнѣ.

Авторъ.

31 Дек. 1900 г.

стнованы авторомъ всегда изъ вторыхъ рукъ, между тѣмъ именно по отношенію къ Египту первоисточники крайне важны. Здѣсь, какъ извѣстно, прекрасный папирусъ издавна служилъ матеріаломъ для писемъ. Искусство писать чернилами существовало здѣсь по крайней мѣрѣ съ III вѣка до Р. Х.

Дѣло ясно: г. Берлинъ знакомъ съ первоисточниками, онъ читалъ папирусы, онъ отнюдь не „дилеттантъ“ въ исторіи Египта. Кромѣ того, онъ до такой степени проникнутъ высшей научной добросовѣстностью, что не счелъ бы возможнымъ писать объ Египтѣ популярную брошюру въ 20 стр., не изучавъ упомянутыхъ первоисточниковъ — папирусовъ.

Что же все это значитъ?

I. О всеобщемъ методѣ.

I. Точка зрѣнія.

Исторически изучать какое-нибудь явление, это значитъ—выяснить, изъ какихъ явленій оно возникаетъ, въ какихъ формахъ совершается, по какимъ законамъ измѣняется. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы съ этой точки зрѣнія ислѣдовать факты познанія.

Задача эта должна быть признана весьма трудной, по двумъ причинамъ: во-1), данная группа явленій отличается громадной сложностью и разнообразіемъ, во-2), ислѣдованіе ихъ необходимо затрагиваетъ многие жизненные интересы, связанные съ установившимися взглядами людей, съ ихъ предрассудками и предубѣжденіями.

Изъ двухъ указанныхъ затрудненій, второе—сила привычныхъ идей—можетъ быть значительно ослаблено всегда критическимъ отношеніемъ ислѣдователя къ своей работѣ. Высказывая какое-нибудь положеніе, онъ долженъ каждый разъ ясно и отчетливо указывать тѣ объективныя основанія, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ исходитъ: тогда предрассудку труднѣе проскользнуть въ ислѣдованіе подъ маскою вѣстной научности.—Но какъ преодолѣть первую трудность?

Чтобы ислѣдователь не оказался безпомощнымъ передъ громадной сложностью и разнообразіемъ своего матеріала, ему необходима общая точка зрѣнія. Необходимъ единый методъ, который управлялъ бы группировкой фактовъ и обобщеній опыта, который контролировалъ бы ихъ истолкованіе. Только при наличности такого метода возможно свести все разнообразіе явленій—къ единству закономерности, всю ихъ сложность—къ опредѣленнымъ простымъ отношеніямъ.

Познаніе съ историч. точки зрѣн.

Требуется не только рассмотреть и „описать“ познание, какимъ оно является само по себѣ. Требуется также выяснить, какимъ образомъ оно возникаетъ изъ процессовъ не-познавательныхъ, какимъ образомъ въ зависимости отъ такихъ процессовъ оно измѣняется, словомъ—установить связь познания съ тѣмъ, что не есть познание¹⁾. Слѣдовательно, необходимъ такой общій, всеохватывающій методъ, которому можно было бы подчинить законности явленій въ обѣихъ областяхъ, въ познаніи и внѣ его.— Но гдѣ найти такой методъ? Слѣдуетъ ли для даннаго случая искать непременно особый, еще не существующій методъ, или, можетъ быть, позволительна попытка обратиться за нимъ къ другимъ наукамъ, болѣе выработаннымъ, чѣмъ наука о познаніи?

Такъ какъ наука стремится объяснять неизвѣстное—извѣстнымъ, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ изслѣдователи практически руководились до сихъ поръ такимъ правиломъ: всякій установленный методъ общаго характера считать примѣнимымъ вездѣ, гдѣ только логически мыслима его примѣнимость,—считать до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противоположное, или пока не будетъ выяснено, что его примѣненіе ничего не прибавляетъ въ пониманіи данныхъ явленій. Правило это имѣетъ за себя опытъ прошлаго: оно принесло не мало пользы развитію науки. Кромѣ того, оно имѣетъ за себя стремленіе людей къ единству познавательнаго метода. А такое стремленіе вполне законно, и основывается на томъ, что единство метода, гдѣ оно возможно, позволяетъ съ наименьшимъ трудомъ

¹⁾ Въ теоріи познания (или теоріяхъ познания) критической философской школы преобладаетъ узко-описательная точка зрѣнія, которая беретъ своимъ предметомъ познание, какъ нѣчто уже данное, уже сложившееся. Здѣсь, стало быть, дѣло идетъ скорѣе о познаніи опредѣленной эпохи, чѣмъ о познаніи въ его развитіи. Поэтому нѣкоторые критицисты склонны даже прямо противопоставлять „гносеологическую“ и „генетическую“ точку зрѣнія, подразумѣвая подъ этой послѣдней вопросы развитія формъ, вопросы ихъ исторіи (см. напр., Струве, предисловіе къ книгѣ Бердяева „Индивидуализмъ и субъективизмъ“, стр. XXVI). Однако, и среди критицистовъ нѣкоторые далеко не склонны вполне отказываться отъ генетической точки зрѣнія въ теоріи познания (напр. Зиммель, Махъ...). А представитель наиболѣе „критическаго“ направленія этой школы, Авенариусъ (котораго можно также съ большимъ основаніемъ отнести къ позитивистамъ) является въ своихъ изслѣдованіяхъ всецѣло „генетикомъ“ „Kritik der reinen Erfahrung“.

На нашъ взглядъ отказъ отъ историческаго изслѣдованія познавательныхъ явленій можетъ считаться только „свидѣтельствомъ о бѣдности“ для философскаго мышленія отказывающихся.—Въ дальнѣйшемъ намъ еще будетъ случай возвратиться къ „гносеологической“ точкѣ зрѣнія (см. III ч., гл. 12. „О предпосылкахъ познания“).

достигать наибольшихъ результатовъ, повышаетъ „производительность труда“ въ познаніи.

Итакъ, историческая наука о познаніи въ правѣ искать для себя общаго метода въ другихъ, болѣе сложившихся, болѣе точныхъ наукахъ, среди нихъ послѣднихъ обобщеній, ихъ высшихъ законовъ.

Естественныя науки обладаютъ такимъ принципомъ, который, по степени своей общности, можетъ, повидимому, составить основу необходимаго намъ метода. Это—законъ сохраненія энергіи.

Энергія не создается и не исчезаетъ въ нашемъ опытѣ—такова точная формула закона. Разсмотримъ, что означаетъ эта формула, къ чему можетъ обязать насъ ея примѣненіе—энергетическій методъ.

Терминъ „энергія“ обозначаетъ измѣненіе, взятое съ его количественной стороны. Такимъ образомъ, энергетическій методъ требуетъ, чтобы на явленіе мы смотрѣли, какъ на измѣненіе, на процессъ, и притомъ на процессъ, подлежащій измѣренію. Стало быть, вотъ первый моментъ энергетическаго метода: изучаемое явленіе признается за процессъ, подлежащій измѣренію.

Далѣе, процессъ этотъ признается за ничто, неспособное изъ ничего возникнуть или въ ничто обратиться. Это—второй моментъ.

Весь ли энергетическій методъ данъ въ этихъ формулахъ? Да, весь. Остальное его содержаніе представляетъ лишь логическій выводъ изъ нихъ.

Наблюдаемое нами явленіе имѣетъ начало и конецъ. Движеніе пули началось въ моментъ а, кончилось въ моментъ в. Оно не должно было, согласно второй формулѣ, создаться изъ ничего, и не могло въ ничто обратиться. Стало быть, оно возникло изъ другого явленія, которое существовало раньше,—и перешло въ новое явленіе, которое продолжается дальше. Надо найти оба эти явленія, что и должно быть выполнено конкретнымъ изслѣдованіемъ.

Положимъ, они найдены: химическое средство составныхъ частей пороха, и теплота, развившаяся при ударѣ пули объ стѣну.¹⁾ Тогда всѣ три явленія сливаются для нашего познанія въ одинъ непрерывный процессъ, теченіе котораго, конечно, ими не ограничивается, а неопредѣленно продолжается въ прошедшее и въ будущее.

Но, согласно первой формулѣ, изучаемый процессъ подлежитъ измѣ-

¹⁾ Явленіе для удобства изображается въ возможно болѣе простомъ видѣ.

ренію, имѣть свою количественную сторону, представляет опредѣленную величину „энергія“. Величина эта не можетъ измѣниться ни въ одинъ изъ моментовъ процесса: иначе передъ нами было бы возникновеніе изъ ничего или превращеніе въ ничто.

Итакъ, передъ нами рядъ явленій, представляющихъ одинъ непрерывный процессъ, на всѣхъ стадіяхъ количественно себѣ равный. Чѣмъ же различаются эти явленія, эти стадіи одного процесса? Что измѣняется при превращеніи химическаго сродства въ механическое движеніе, механическаго движенія въ теплоту и т. д.?

Измѣняется способъ воспріятія даннаго процесса нашимъ психическимъ аппаратомъ. То, что воспринималось нами до выстрѣла, какъ обычныя, доступныя зрѣнію и осязанію, „свойства“ пороха, то является затѣмъ, какъ механическое движеніе пули, доступное нашимъ чувствамъ уже въ иной формѣ (напр. въ видѣ свиста пули и толчка отъ нея), въ дальнѣйшемъ же выступаетъ, какъ ощущаемое при посредствѣ органовъ чувства температуры нагрѣваніе пули, и т. д. Различіе отдѣльныхъ стадій процесса въ пространствѣ и времени относится сюда же: пространство и время принадлежать къ способу воспріятія; сказать, что два явленія различаются въ пространствѣ и времени, значитъ сказать, что одно изъ нихъ воспринимается въ опредѣленной связи съ одними процессами сознанія, другое — съ другими ¹⁾.

Итакъ, для энергетическаго метода всякое явленіе выступаетъ, какъ опредѣленная стадія непрерывнаго процесса, стадія, лишь по способу воспріятія отличающаяся отъ другихъ стадій. Единство и непрерывность этого процесса обыкновенно выражаютъ не въ той точной формулѣ закона, которая приведена выше, а въ другой, болѣе изящной, но менѣе научной: энергія едина и вѣчна.

Законъ сохранения энергіи представляетъ современную, наиболѣе выработанную форму принципа всеобщей причинности явленій. По старому, менѣе совершенному понятію о причинности, исполнѣ опредѣленная причина необходимо влечетъ за собою исполнѣ опредѣленное слѣдствіе; по энергетическому понятію причина непосредственно переходитъ въ свое слѣдствіе, какъ предыдущая стадія того же процесса; причина и слѣдствіе тождественны по существу и различаются только способомъ воспріятія.

¹⁾ О какой связи и съ какими психическими процессами здѣсь идетъ дѣло, это выясняется ассоціаціонной психологіей въ ея ученіи о пространствѣ и времени.

Измѣненіе способа воспріятія обозначается метафорическимъ терминомъ „превращенія энергіи“. Терминъ этотъ хорошо выражаетъ сущность энергетическаго метода: стремленіе для каждаго наблюдаемаго явленія найти его предшествующую и послѣдующую стадіи, которыя воспринимаются нами, какъ особыя, другого вида явленія.

Можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ одна и та же сумма энергіи въ различные моменты воспринимается въ различныхъ видахъ, напр. сначала, какъ механическое движеніе, а потомъ какъ теплота. Но дѣло въ томъ, что сумма эта представляетъ въ одинъ моментъ одну, а въ другой—другую комбинацію опредѣленныхъ соизмѣримыхъ элементовъ—измѣненій, и одной и той же суммою является только въ своемъ итогѣ, съ которымъ непосредственно имѣетъ дѣло изслѣдователь.

Выяснивши себѣ содержаніе энергетическаго метода, мы должны перейти къ вопросу, можетъ ли онъ служить намъ руководителемъ въ изслѣдованіи фактовъ познанія.

Наукѣ не удалось пока выяснитъ предѣловъ (или безпредѣльности) примѣненія этого метода. Она стремится примѣнять его всюду, во всѣхъ случаяхъ изслѣдованія, но въ полнѣ удастся ей это лишь тамъ, гдѣ современная научная техника допускаетъ точное измѣреніе. Въ другихъ случаяхъ прямая, точная повѣрка примѣнимости метода пока не удается; но и тамъ онъ весьма часто оказываетъ цѣнныя услуги для объясненія сложныхъ явленій: это особенно относится къ большинству жизненныхъ процессовъ. Въ такихъ областяхъ изслѣдованія примѣнимость принципа энергіи также не оспаривается (или почти не оспаривается).

Нерѣшеннымъ является вопросъ по отношенію къ тѣмъ группамъ явленій, гдѣ повѣрки метода не удавалось достигнуть и косвенными путями, гдѣ его полезность не доказана еще практически. Такова именно область фактовъ сознанія, въ предѣлахъ которой лежатъ и интересующія насъ познавательныя явленія.

Гдѣ молчитъ наука, тамъ слово принадлежитъ философіи. Какъ же она высказывается?

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я позволю себѣ поставить другой вопросъ: равноцѣнны ли для насъ оба возможныя рѣшенія, признаніе и непризнаніе примѣнимости принципа энергіи въ сферѣ фактовъ сознанія? Къ чему обязываетъ насъ и что даетъ намъ одно, къ чему обязываетъ и что даетъ другое рѣшеніе.

Начнемъ съ отрицательнаго рѣшенія. Что значитъ — сказать, что энергетическій методъ непримѣнимъ къ фактамъ сознанія?

Формула метода сводится, какъ мы видѣли, къ двумъ моментамъ: разсматривать явленія, какъ измѣримые процессы, и признавать, что процессы эти не могутъ изъ ничего создаваться или въ ничто обращаться.

Измѣримые ли процессы—факты сознанія? Объ этомъ не можетъ быть спора. Въдѣ на количественныхъ различіяхъ фактовъ сознанія, на различіяхъ ихъ интенсивности и повторяемости основывается всякое измѣреніе. Несомнѣнно, что они измѣримы.

Стало быть, для отрицательнаго рѣшенія остается отвергать второй моментъ метода,—остается признать, что факты сознанія могутъ изъ ничего возникать и въ ничто обращаться.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ явленія эти переходятъ въ область чудеснаго. Гдѣ что-нибудь абсолютно создается или абсолютно уничтожается, тамъ современное научное мышленіе признаетъ себя безсильнымъ и скромно удаляется, уступая мѣсто вѣрѣ.

Итакъ, вотъ къ чему обязываетъ насъ отрицательное рѣшеніе. „Руки прочь! Здѣсь область чудесъ“, — говоритъ оно всякой попыткѣ научнаго объясненія.

Что же даетъ оно наукѣ въ награду за такое ограниченіе? Какъ всякій чисто отрицательный фактъ—ровно ничего.

Теперь, къ чему обязываетъ насъ положительное рѣшеніе? Къ примѣненію энергетическаго метода въ ученіи о сознаніи вообще, о познаніи въ частности. Что оно даетъ намъ? Это можетъ показать только практика самаго примѣненія. Но пока что, оно даетъ намъ хотя бы надежду на объясненіе изслѣдуемыхъ фактовъ.

Какое же рѣшеніе предлагаетъ намъ современная философія? Или, такъ какъ она говоритъ всегда черезъ философовъ, — какое рѣшеніе предлагаютъ намъ философы?

Немногіе—а ригористы признаютъ всеобщность энергетическаго метода, основываясь на томъ, что развитіе науки шло до сихъ поръ и продолжаетъ идти къ единству познавательнаго метода. Съ этими намъ спорить не о чемъ.

Немногіе—а ригористы отрицаютъ примѣнимость энергетическаго метода къ фактамъ сознанія, принимая духъ и тѣло за двѣ различныя сущности, для которыхъ немислимъ единый методъ. Съ этими философами никто не считается, и намъ съ ними спорить незначѣтъ. *только познанию?!*

Большинство—господствующая на кафедрѣ школа—отрицаютъ всеобщность энергетическаго метода, но отрицаютъ ее „критически“.

2. Энергетическій методъ и критическій монизмъ.

Въ чемъ же заключается и на чемъ основывается „критическое“ опроверженіе примѣнимости принципа энергіи въ сферѣ фактовъ сознанія?

Приведемъ это опроверженіе въ той формѣ, въ какой излагаетъ его проф. А. Риль, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей критической школы, пользующійся широкой извѣстностью и большимъ авторитетомъ какъ въ Зап. Европѣ, такъ и въ Россіи.

Прежде всего производится разграниченіе двухъ областей природы-явленій механическихъ и психическихъ. Разграниченіе основано на способѣ воспріятія: механическими явленія называются въ томъ случаѣ, если они воспринимаются при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, психическими — если они воспринимаются непосредственно, какъ факты сознанія. Этимъ устанавливается, что факты сознанія не механичны.

Въ дальнѣйшемъ аргументація ведется слѣдующимъ образомъ:

„... Принципъ сохраненія механической энергіи (NB. Риль невѣрно употребляетъ выраженіе „Kraft“ — „сила“ вмѣсто термина „энергія“ А. Б.) позволяетъ намъ утверждать, что механическая причина не можетъ имѣть никакихъ иныхъ слѣдствій, кромѣ также механическихъ. Механическая причина вполне, безъ остатка переходитъ въ свое механическое слѣдствіе, и въ сцѣпленіи внѣшнихъ (механическихъ) процессовъ при этомъ не получается никакого пробѣла, никакого свободнаго мѣста; здѣсь, такимъ образомъ, не остается ни малѣйшей возможности для какихъ бы то ни было побочныхъ, не механическихъ слѣдствій. Стало быть, ощущеніе и воля не могутъ войти въ эту цѣль ни какъ слѣдствіе, ни какъ причина. Отношеніе причинности между нервнымъ возбужденіемъ и ощущеніемъ, между волею и внѣшнимъ движеніемъ въ виду этого является совершенно недопустимымъ, что доказывается, слѣдовательно, самими фактами, а не только апіорными соображеніями“ (A. Riehl, der philosophische Criticismus und seine Bedeutung....., II Band, 2 Teil, SS. 177—178 изданія 1887 года).

Такова эта замѣчательная аргументація. При внимательномъ анализѣ она раскрываетъ секретъ многихъ „критическихъ“ доказательствъ: Сведемъ ее къ формѣ простого силлогизма.

Большая посылка: Механическими причинами производятся лишь механическія слѣдствія.

Малая посылка: Факты сознанія не механичны.

Заключение:

Стало быть, факты сознания производятся не механическими причинами—

Дальнѣйшій выводъ: а потому фактамъ сознания нѣтъ мѣста въ ряду энергетическихъ явленій, гдѣ лежатъ механическія причины и ихъ слѣдствія.

По формѣ разсужденіе правильно. Но насколько обоснованы послылки силлогизма?

Малая посылка— „сознаніе не механично“—выражаетъ собою только принятое философомъ разграниченіе понятій „психическаго“ и „механическаго“— стало быть, она и не нуждается въ доказательствѣ. Весь вопросъ, очевидно, въ большой посылкѣ. Откуда она взялась?

По словамъ Риль, она основана „на фактахъ, а не какихъ-либо апіорныхъ соображеніяхъ“: она опирается именно на законъ „сохраненія механической энергіи.“¹⁾ Какой же это законъ?

Существуетъ законъ сохраненія энергіи. Наукѣ не удалось еще точно установить, примѣнимъ ли онъ только къ механическимъ явленіямъ, или также и къ остальнымъ. Вопросъ сводится именно къ тому, есть ли это всеобщій законъ явленій, или только „законъ сохраненія механической энергіи“. И вопросъ этотъ еще не разрѣшенъ „фактами“.

Какъ же поступаетъ критицистъ? Онъ просто заранѣе, а priori, принимаетъ, что законъ относится только къ механическимъ явленіямъ, что онъ есть только „законъ сохраненія механической энергіи“. Тогда, само собой, и получается, что къ не механическимъ явленіямъ онъ не относится. Но на какихъ „фактахъ, а не апіорныхъ соображеніяхъ“ основывается такое предвзятое ограниченіе закона? Этого намъ не скажетъ Риль, этого намъ не скажетъ наука, этого намъ никто не скажетъ.

Такіе факты были бы даны намъ только въ одномъ случаѣ: если бы въ рядѣ опытовъ законъ примѣнялся къ явленіямъ сознания, и оказался бы въ прямомъ противорѣчій съ выводами этихъ опытовъ. Но ничего подобнаго не было.

Стало быть, ограниченіе закона энергіи въ большой посылкѣ является апіорнымъ, чисто догматическимъ; и все доказательство относится къ тому типу логическихъ ошибокъ, который обозначается термномъ „petitio principii“, т. е. силлогизмъ, построенный на бездоказательномъ утвержденіи.

¹⁾ „ das Princip der Erhaltung der mechanischen Kraft. . . “

Заключение философа было бы правильнымъ, если бы раньше было установлено. . . . именно то, что онъ хочетъ доказать.

Чтобы сдѣлать свое разсужденіе убѣдительнѣе, Риль дальше развиваетъ его слѣдующимъ образомъ:

„ Можетъ быть, предпочтутъ допустить очень маленькое, практически-безконечно малое исключеніе изъ принципа сохраненія энергій. Могутъ сказать: значеніе этого принципа простирается только до фактическихъ границъ наблюденія и измѣренія. Поэтому можно представить себѣ, что очень незначительное, ускользающее отъ наблюденія количество механической энергій исчезаетъ и обращается въ психическую величину каждый разъ, какъ выступаетъ на сцену ощущеніе или актъ воли. Можно также представить себѣ, что воля вызываетъ движеніе тѣла безъ всякой затраты энергій (*ohne Arbeit zu leisten.*) Движущій механизмъ тѣла тогда пришлось бы только разсматривать, какъ разряжающійся аппаратъ такого совершеннаго устройства, что для него достаточна безконечно-малая разряжающая сила. Но и безконечно-малая величина есть все-же величина реальная, хотя и чрезвычайно малая. Разряжающая сила, какой бы ничтожной мы ее себѣ ни представили, никогда не можетъ стать вполнѣ равной нулю. Если она не произошла изъ ничего, то она должна быть взята изъ наличнаго, опредѣленнаго запаса энергій, существующаго въ природѣ. постоянное повтореніе безчисленныхъ актовъ воли въ животномъ мірѣ, благодаря ихъ суммированію, необходимо повело бы не къ очень малому, но очень значительному уклоненію отъ принципа сохраненія энергій (*Ibidem*, SS. 179—180).

Нетрудно показать, что это разсужденіе несостоятельно, и притомъ несостоятельно въ двухъ отношеніяхъ: по своему фактическому содержанію и по своему логическому строенію. Начнемъ съ перваго.

Читая приведенное мѣсто работы Риля, можно подумать, что энергетика живыхъ организмовъ доведена въ наше время до величайшаго совершенства, что превращенія энергій въ организмъ прослѣживаются съ большой количественной точностью во всѣхъ частностяхъ: общій балансъ энергій организма строго выясненъ, и оказалось, что въ немъ совсѣмъ нѣтъ мѣста для энергій психическихъ явленій; въ приходѣ и расходѣ „механической энергій“ сколько-нибудь значительнаго „уклоненія“ не нашлось — активъ съ пассивомъ вѣренъ.

Но физиологи знаютъ, какъ далеко современной наукѣ до такой точности. Если, напр., подводя общій балансъ суточного обмѣна энергій, для взрослаго человѣка получаютъ сумму прихода и расхода приблизительно по

3 милліона малыхъ калорій, то ошибка или „уклоненіе“ въ расчетахъ можетъ при нынѣшнихъ методахъ измѣренія составить не одну сотню тысячъ калорій. Гдѣ жъ тутъ рѣшить, есть въ этомъ балансѣ мѣсто психической энергіи, или нѣтъ.

Еще хуже чисто логическая ошибка. По мнѣнію философа, если бы факты сознанія входили въ цѣль энергетическихъ процессовъ, то обнаружилось бы „уклоненіе“ отъ закона сохраненія энергіи: онъ полагаетъ, что количества энергіи, получаемой и теряемой организмомъ, не сходились бы между собою. Но откуда у него получилось такое представленіе?

Предположимъ, что факты сознанія „энергетичны“; пусть суточный приходъ энергіи въ организмъ—3 милліона малыхъ калорій; изъ нихъ на функціи „не-психическія“ идетъ, допустимъ, 2 милліона, на „психическія“—1 милліонъ. Сколько же энергіи отдастъ организмъ за сутки внѣшней средѣ? По Рилу выходитъ, что только 2 милліона, а 1 милліонъ долженъ, будто-бы, составить „уклоненіе“, и такъ какъ такого уклоненія не наблюдается, то изъ этого, будто-бы, слѣдуетъ, что факты сознанія совсѣмъ не энергетичны.

Но философъ забылъ при этомъ довольно важное обстоятельство—что факты сознанія не остаются вѣчно, а проходятъ, и каждый продолжается лишь короткое время. И такъ какъ энергія, согласно закону, не исчезаетъ, но переходитъ въ другія формы, то каждый фактъ сознанія, прекращаясь, какъ „психическое“ явленіе, долженъ перейти опять въ процессы не-психическіе, механическіе. Поэтому тотъ милліонъ единицъ энергіи, который, по нашему предположенію, затраченъ на факты сознанія, превращается обратно въ „механическую“ энергію, и затѣмъ терлется организмомъ, напр., въ формѣ теплоты. Сумма общаго расхода энергіи окажется $2+1$, т. е. 3 милліона, въ полномъ соотвѣтствіи съ суммой прихода, и никакого „уклоненія“ не можетъ оказаться. А критикистъ заранѣе предположилъ, что факты сознанія исчезаютъ безвозвратно, т. е. что они не подчинены закону энергіи: тогда и должно было получиться „уклоненіе“ отъ этого закона.

Таковы критическіе аргументы, на которыхъ основывается отрицательное рѣшеніе вопроса объ единствѣ научныхъ методовъ. Сами по себѣ, они логически неправильны. Но долженъ же быть у нихъ какой-нибудь болѣе объективный базисъ?

Конечно, да. При извѣстномъ складѣ ума можетъ казаться чрезвычайной смѣлостью перенесеніе метода, выработаннаго въ области механическихъ явленій, на процессы не-механическіе: тѣ и другіе такъ сильно различаются между собою; они подлежатъ двумъ неодинаковымъ способамъ

воспріятія—воспріятію непосредственному и посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Не правильнѣ ли думать, что двумъ взаимно-несводимымъ способамъ воспріятія должны соответствовать и два взаимно-несводимыхъ метода познанія?

Воспріятіе и познаніе, какъ мы знаемъ, далеко не одно и то же; не говоря уже о другихъ различіяхъ, первое индивидуально, второе соціально. Именно новѣйшіе критикисты—и Риль въ томъ числѣ—тщательно и вполне убѣдительно доказывали соціальность познанія¹⁾. Если такъ, то какая логика позволяетъ дѣлать непосредственное заключеніе отъ двухъ способовъ воспріятія къ двумъ способамъ познанія?

Но допустимъ, что такая логика существуетъ, что отъ двухъ взаимно несводимыхъ способовъ индивидуальнаго воспріятія можно заключать къ двумъ взаимно несводимымъ способамъ общественнаго познанія. И тогда мы должны прійти не къ „дуализму метода“, котораго требуютъ сторонники разобраннаго нами взгляда, а къ еще болѣе печальному состоянію.

„Внѣшнія чувства“—вовсе не одинъ способъ воспріятія, а цѣлый рядъ совершенно различныхъ, взаимно несводимыхъ способовъ. Зрѣніе нельзя свести на слухъ, слухъ на осязаніе и т. д.;²⁾ всѣ они не могутъ быть непосредственно сведены къ чему-нибудь одному, какъ неоднократно указывалось и самими критикистами. Если на каждый способъ воспріятія надо по методу познанія, то взаимно несводимыхъ методовъ окажется не два, а нѣсколько больше.

Вообще, въ вопросѣ о границахъ энергетическаго метода способъ воспріятія не при чемъ; ибо энергія вовсе не способъ воспріятія, а какъ разъ напротивъ — отвлеченіе отъ различныхъ способовъ воспріятія. Какъ мы видѣли, формы энергіи въ ея превращеніяхъ различаются именно способами воспріятій. Энергія не есть свѣтъ, звукъ, теплота и т. д.; она есть количественная сторона этихъ процессовъ, ихъ измѣримость и соизмѣримость. Такое же методологическое отвлеченіе представляетъ изъ себя „абстрактный трудъ“ экономистовъ: это не трудъ сапожника, портного, кузнеца,—а измѣримость и соизмѣримость общественнаго труда.

Если признаніе психическихъ процессовъ за энергетическіе есть „слиш-

¹⁾ Гораздо раньше ихъ соціальный характеръ познанія былъ указанъ родоначальникомъ современной соціологической школы (предисловіе къ „Zur Kritik...“ et cet.).

²⁾ Однако, исторически всѣ способы воспріятія сводятся къ одному общему началу—къ такъ назыв. „общему чувству“ простѣйшихъ, изъ котораго всѣ они дифференцировались въ процессы развитія.

К. Маркс

113

комъ смѣлая гипотеза“, то не является ли еще болѣе смѣлой гипотезой съ точки зрѣнія научнаго мышленія противоположный взглядъ? Ибо онъ, какъ было выяснено, нуждается въ предположеніи, что психическіе процессы могутъ возникать изъ ничего и абсолютно уничтожаться, что они, стало быть, представляютъ „чудо“.

Мы видѣли, что „критическія“ основы этого взгляда въ дѣйствительности вполнѣ догматичны. А на немъ основывается система критическаго монизма.

Критическій монизмъ признаетъ единую реальность, которая познается двумя совершенно различными методами. Въ „механическомъ“ и „психическомъ“ теорія эта видитъ два „параллельныхъ“ ряда проявленій реальности, и требуетъ, чтобы оба ряда познавались двумя взаимно несводимыми методами. Но не значить ли это—практически относиться къ обоимъ рядамъ, какъ къ совершенно различнымъ реальностямъ? Не бессодержательно ли чисто словесное признаніе единства реальности? Ясно, что такая доктрина должна быть признана эклектичной ¹⁾.

Догматическое требованіе дуализма въ методѣ—такова оказывается, по внимательномъ изслѣдованіи, сущность «критическаго монизма». Повидимому, теорія эта въ своемъ названіи даетъ какъ разъ то, чего не хватаетъ въ ея содержаніи.

За ней стоитъ авторитетъ значительной философской школы. Но было бы некритично просто подчиниться такому авторитету.

Такимъ образомъ вопросъ о примѣнимости принципа энергіи къ фактамъ сознанія вообще, къ познанію — въ частности, можетъ быть рѣшенъ только практикою примѣненія этого метода. И для этого нѣтъ надобности ожидать того времени, когда точное измѣреніе процессовъ сознанія сдѣлаетъ возможной прямую провѣрку метода въ данной области. Кромѣ непосредственныхъ примѣненій, для всякаго научнаго метода существуютъ еще косвенныя.

Сейчасъ мы попробуемъ сдѣлать изъ энергетическаго принципа такое

¹⁾ Теорія „параллелизма“ является еще сравнительно менѣе эклектичной, когда параллелизмъ распространяется на всю природу, когда допускается, что всякому механическому явленію соответствуетъ „психическое“, когда всѣ явленія признаются однородными, физико-психическими. Но въ такомъ воззрѣніи слишкомъ ужъ много элемента гипотезы. — Идея избѣжать такой гипотетичности, другіе параллелисты, и Риль въ томъ числѣ, впадаютъ въ еще болѣйшій эклектизмъ: они относятъ представленіе параллелизма только къ немногимъ избраннымъ элементамъ природы—къ высшимъ организмамъ, которые одарены сознаніемъ.

косвенное примѣненіе, именно, воспользуемся имъ, какъ методомъ критики одного интереснаго научно-философскаго построенія, имѣющаго близкое отношеніе къ нашимъ задачамъ.

3. Энергетическій методъ и біомеханика Авенаріуса.

При изученіи процессовъ познанія въ наше время трудно было бы не считаться съ работами такого оригинальнаго мыслителя, какъ Р. Авенаріусъ, философа, замѣчательнаго по разносторонности его научной подготовки и по стремленію къ возможно большей строгости и точности метода. Но въ данный моментъ воззрѣнія его получаютъ для насъ особенный интересъ не съ положительной, а съ отрицательной стороны — поскольку онъ былъ противникомъ всеобщности энергетическаго метода.

Не желая подвергать читателя всѣмъ ужасамъ знаменитой терминологіи Авенаріуса, я заранѣе оговариваюсь, что буду ею пользоваться лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо, а гдѣ только возможно, буду замѣнять его выраженія болѣе обычными. Если при этомъ и могутъ пострадать нѣкоторые оттѣнки его мысли, то занимающій насъ теперь вопросъ касается не оттѣнковъ, а существеннаго въ его методѣ, и они не могутъ оказать вліянія на выводы.

Въ основу своихъ теоретико-познавательныхъ изслѣдованій Авенаріусъ положилъ біомеханику—ученіе о механизмѣ жизненныхъ процессовъ. Тѣмъ не менѣе, по его воззрѣніямъ, сознательно-психическія явленія („содержаніе высказываній“) находятся не прямо въ общемъ ряду фізіологическихъ измѣненій нервной системы, а только въ извѣстной связи, въ „функциональномъ соотношеніи“ съ ними. Закономѣрность этого соотношенія онъ подвергаетъ ближайшему изслѣдованію, и она оказывается, въ его описаніи, не такова, чтобы допустить хотя бы мысль о примѣняемости энергетическаго метода къ фактамъ сознанія.

Всего яснѣе выступаетъ такая точка зрѣнія въ ученіи Авенаріуса объ „аффекціоналѣ“, объ окраскѣ удовольствія или страданія, свойственной сознательно-психическимъ явленіямъ. Но такъ какъ ученіе это логически вытекаетъ изъ основныхъ понятій біомеханики, то намъ придется начать съ этихъ послѣднихъ.

Жизнедѣятельность организма въ его цѣломъ, также какъ и всякой отдѣльной его части, фізіологически сводится къ двумъ рядамъ превращеній энергій: процессъ усвоенія энергіи изъ вѣшной среды, и растраты энергій

во внѣшнюю среду — „питаніе“¹⁾ и „работа“ по выраженію Авенаріуса. Въ своей біомеханикѣ философъ изслѣдуетъ различныя соотношенія обоихъ процессовъ для „системы С“ — центрального нервнаго аппарата²⁾. Изслѣдованіе ведется въ такомъ направленіи, чтобы выяснитъ условія сохраненія жизни системы С.

Если „питаніе“ преобладаетъ надъ „работою“, то энергія системы непосредственно возрастаетъ; если „работа“ преобладаетъ надъ „питаніемъ“, то энергія системы непосредственно уменьшается. Оба эти случая, когда система находится не въ равновѣсіи прихода и расхода энергіи, Авенаріусъ обозначаетъ однимъ терминомъ „жизнеразность“. Если мозгъ ребенка усваиваетъ изъ крови больше энергіи, чѣмъ тратитъ на различные процессы приспособленія организма къ измѣняющимся условіямъ, то это будетъ одинъ видъ жизнеразности; если наступаетъ, положимъ, болѣзнь, или какое-нибудь другое потрясеніе организма, и мозгъ ребенка теряетъ больше энергіи, чѣмъ получаетъ извнѣ, это будетъ другой видъ жизнеразности. По мнѣнію Авенаріуса, оба вида имѣютъ приблизительно одинаковое біологическое значеніе — противоположное жизненному идеалу. Такимъ идеаломъ является для философа отсутствіе всякой жизнеразности, полное равенство противоположныхъ сторонъ жизненнаго процесса: это равенство соотвѣтствуетъ наибольшей „жизнесохранимости“ (Vital-Erhaltungswert) системы.

Фактически, идеальное равновѣсіе системы никогда въ точности не наблюдается. Самыя разнообразныя внѣшнія вліянія непрерывно воздѣйствуютъ на систему, доставляя перевѣсъ то работѣ, то питанію. Система непрерывно приспособляется къ этимъ вліяніямъ: она устраняетъ жизнеразности, которыя ими порождаются.

Возникновеніе жизнеразности означаетъ, по Авенаріусу, уменьшеніе жизнесохранимости; устраненіе жизнеразности уничтожаетъ это уменьшеніе или сводитъ его къ наименьшей величинѣ. Такъ протекаетъ жизнь системы

¹⁾ Здѣсь уместно будетъ замѣтитъ, что терминъ „питаніе“ нѣсколько грубъ и матеріалистиченъ для выражаемой имъ идеи. Дѣло идетъ объ „ассимиляціи“ энергіи нервными центрами, о переходѣ внѣшней энергіи въ тѣ формы, которыя свойственны жизнедѣятельности этихъ центровъ, при чемъ эта ассимиляція можетъ совершаться не только тѣмъ способомъ, который фізіологи обозначаютъ терминомъ „питаніе“, т. е. не только путемъ воспринятія въ питающуюся ткань частицъ питательныхъ веществъ.

²⁾ Нервные центры въ ихъ взаимной связи — можетъ быть, только корковые, (центры сознанія), а вѣроятнѣе — всѣ висѣтъ, и корковые, и субкортикальные, и спинномозговые, и разбѣянные въ организмѣ гангліозные. Авенаріусъ не берется опредѣлять точно границы „системы С.“

Съ въ постоянныхъ колебаніяхъ около уровня идеальнаго равновѣсія; въ концѣ концовъ послѣдняя жизнеразность уноситъ послѣдній остатокъ жизнеспособности—и тогда наступаетъ смерть.

Какъ видимъ, для Авенариуса понятіе жизнеразности совпадаетъ съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ неприспособленностью, или, точнѣе, непосредственной неприспособленностью (неприспособленность даннаго момента); а устраненіе жизнеразности, это, съ его точки зрѣнія, возстановленіе непосредственной приспособленности. То, что порождаетъ жизнеразности, есть непосредственно вредное для жизни; то, что уничтожаетъ ихъ — непосредственно полезное.

Итакъ, понятіе жизнеразности охватываетъ два энергетически противоположныхъ явленія: возрастаніе энергіи системы — когда питаніе преобладаетъ надъ работою, уменьшеніе энергіи системы — когда работа преобладаетъ надъ питаніемъ. Оба случая объединяются въ одномъ понятіи, потому что ихъ біологическій смыслъ признается одинаковымъ—уменьшеніе жизнеспособности. Это—взглядъ не одного Авенариуса, а также многихъ людей науки, взглядъ возникшій среди фізіологовъ гораздо раньше біомеханики цюрихскаго философа.

Совмѣстима ли такая теорія съ энергетическимъ методомъ? Вопросъ этотъ всего легче разрѣшить, если перейти къ ея психологическимъ выводамъ—именно, къ ученію объ удовольствіи и страданіи.

Извѣстно, что чувства удовольствія и страданія стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ непосредственной приспособленностью и неприспособленностью организма къ условіямъ борьбы за жизнь. Говоря вообще, чувство страданія вызываютъ воздѣйствія, непосредственно-вредныя для организма, чувство удовольствія — непосредственно-полезныя. Нетрудно понять біологическую основу такой связи. Удовольствіе есть то, къ чему стремятся, страданіе — то, чего избѣгаютъ. Если бы удовольствіе соотвѣтствовало вредному для жизни, а страданіе — полезному, то психическіе организмы, стремясь къ первому и избѣгая второго, дѣйствовали бы не на пользу, а во вредъ себѣ, и неминуемо очень скоро погибали бы. Очевидно, что естественный подборъ могъ сохранять только организмы съ цѣлесообразнымъ направленіемъ чувства удовольствія и страданія.

Такъ какъ для Авенариуса жизнеразность означаетъ непосредственную неприспособленность, то вполне естественнымъ и логичнымъ является у него представленіе, что страданіе соотвѣтствуетъ возрастанію жизнеразности, удовольствіе—ея уменьшенію. Ибо первое выражаетъ собою возра-

станіе неприспособленности, удаление от идеальнаго равновѣсія, второе — возвращеніе къ равновѣсію и къ приспособленности.

Какъ возрастаніе, такъ и уменьшеніе жизнеразности могутъ имѣть по два противоположныхъ энергетическихъ значенія: первое можетъ означать и прогрессирующее увеличеніе энергіи системы, и прогрессирующее уменьшеніе, — оба случая выражаются въ чувствѣ страданія; второе можетъ имѣть содержаніемъ и понижающееся увеличеніе энергіи, и понижающееся уменьшеніе, — обоимъ случаямъ соотвѣтствуетъ чувство удовольствія.

Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же „аффекціоналъ“ — положительный (чувство удовольствія) или отрицательный (чувство страданія) можетъ соединяться съ энергетически противоположными процессами въ нервной системѣ. И наоборотъ, энергетически сходные процессы могутъ выражаться въ противоположныхъ явленіяхъ чувства.

Если предположить, что процессы сознанія энергетичны, то противоположность фактовъ сознанія должна означать противоположность измѣненій энергіи сознанія. Какъ извѣстно, удовольствіе и страданіе представляютъ изъ себя противоположные факты сознанія, противоположные въ точномъ, математическомъ значеніи этого слова, т. е. способные взаимно уменьшать и уничтожать другъ друга, соединяясь въ сознаніи. Слѣдовательно, съ энергетической точки зрѣнія, они никакъ не могутъ выражать собою въ однихъ случаяхъ однородные, въ другихъ противоположные процессы въ нервной системѣ. Здѣсь энергетическій методъ вступаетъ въ противорѣчіе съ воззрѣніями Авенаріуса. Спрашивается, гдѣ истина?

Рѣшить дѣло можно только путемъ сопоставленія обоихъ взглядовъ съ наличными фактами и обобщеніями науки.

Можно указать цѣлый рядъ фактовъ, которые въ высшей степени трудно — я полагаю, невозможно — согласовать съ ученіемъ Авенаріуса, и которые являются вполне понятными съ энергетической точки зрѣнія.

Какъ примѣръ жизнеразности, возникающей изъ перевѣса питанія надъ работою, самъ Авенаріусъ приводитъ маниакальное состояніе, при которомъ бываетъ гиперемія мозга. Но онъ забываетъ прибавить, что самочувствіе больного въ начальныхъ стадіяхъ этой болѣзни, когда система С отъ сравнительнаго равновѣсія переходитъ къ избытку питанія, бываетъ обыкновенно пріятное ¹⁾. По Авенаріусу должно быть какъ разъ наоборотъ: воз-

¹⁾ По отношенію къ дальнѣйшимъ стадіямъ и тяжелымъ формамъ маніи дѣло гораздо сложнее, какъ мы увидимъ, когда еще разъ вернемся къ этому примѣру.

никновеніе и возрастаніе жизнеразности должно соединяться съ чувствомъ страданія.

Далѣе, врядъ ли возможно съ точки зрѣнія Авенаріуса объяснить вліяніе наркотическихъ веществъ на психическую систему. На первыхъ стадіяхъ своего дѣйствія онѣ вызываютъ обыкновенно весьма пріятное возбужденіе, ради котораго чаще всего и примѣняются. Однако, въ высшей степени невѣроятно предположеніе, чтобы, напр., алкоголь, нарушая нормальныя соотношенія всѣхъ психическихъ функцій, въ то же время приводилъ систему С къ равновѣсію работы и питанія, и чтобы именно отъ этого зависѣло то, нерѣдко очень продолжительное удовольствіе, которое доставляютъ спиртные напитки. Къ тому же, пришлось бы приписать этимъ ядамъ два противоположныхъ физиологическихъ дѣйствія: повышеніе работы—при избыткѣ питанія, и повышенія питанія—при избыткѣ работы. Столько дополнительныхъ, натянутыхъ гипотезъ!

Разсмотримъ, далѣе, физиологическую картину эмоціи печали. Она всегда, приблизительно, одинакова: ослабленіе дѣятельности сердца, сжатіе мелкихъ сосудовъ, и уже какъ результатъ всего этого—уменьшеніе произвольно-мускульной работы. Очевидно, эмоція эта понижаетъ питаніе системы по сравненію съ ея работою: ослабленіе дѣятельности сердца означаетъ уменьшеніе количества крови, протекающей въ единицу времени въ питаемыхъ органахъ; сжатіе мелкихъ сосудовъ, во-1), уменьшаетъ ихъ питающую ткани поверхность, во-2), вызываясь усиленнымъ сокращеніемъ кольцевыхъ волоконъ, окружающихъ сосуды, требуетъ увеличенныхъ затратъ иннерваціонной энергіи на эти сосудодвигательные мускулы; уменьшеніе же работы произвольныхъ мышцъ есть лишь послѣдующее приспособленіе, стремящееся вознаградить недостатокъ питанія. Вообще, истощающее дѣйствіе печали на психическую систему не подлежитъ сомнѣнію.

Если такъ, то при наличности въ системѣ С общаго избытка питанія надъ работою эмоція печали должна получать окраску удовольствія, по крайней мѣрѣ вначалѣ, когда она только устраняетъ наличный избытокъ питанія.—На дѣлѣ этого не бываетъ.

Въ особенно рѣзкомъ противорѣчій съ точкой зрѣнія Авенаріуса стоитъ, какъ я полагаю, одна важная группа фактовъ. Это именно тѣ случаи, когда человѣкъ получаетъ интенсивное удовольствіе отъ какого-нибудь нечаяннаго открытія, дающаго человѣку то, чего онъ вовсе въ это время не ожидалъ, къ чему вовсе спеціально не стремился, но что кажется ему хорошимъ. Можетъ ли при этомъ идти рѣчь о какомъ-либо устраненіи налич-

Познаніе съ историч. точки зрѣнія.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХД
Инв. №

ных жизнеразностей? Напротивъ, здѣсь скорѣе возникаетъ новая жизнеразность—и однако на сцену выступаетъ чувство удовольствія.

Вобщемъ, въ ученіи объ аффекціоналѣ трудно видѣть что-либо иное, какъ гипотезу, недостаточно обоснованную, и стоящую въ противорѣчій съ многими фактами¹⁾. Но таковъ же и базисъ этой теоріи—ученіе о жизнеразности.

Всякая жизнеразность уменьшаетъ жизнесохранимость—такова точка зрѣнія Авенариуса. Оправдывается ли она фактами?

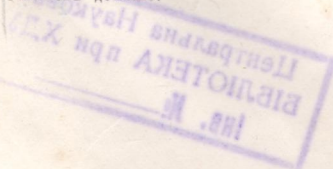
Не подлежитъ сомнѣнію, что прогрессивное развитіе организма увеличиваетъ его жизнесохранимость. Стоитъ только сравнить цифры болѣзненности и смертности въ 30-лѣтнемъ и въ 3-мѣсячномъ возрастѣ, или взять такой случай, когда взрослый и ребенокъ подвергаются относительно одинаково сплывымъ разрушительнымъ воздѣйствіямъ среды, и посмотреть, кто изъ нихъ скорѣе останется въ живыхъ²⁾.

Далѣе не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ процессъ возрастанія жизнесохранимости опирается, въ значительной мѣрѣ, на явленія роста организма вообще, системы С въ частности. Это—вещь достаточно извѣстная; довольно указать на то, что если происходитъ преждевременная задержка роста, то развитіе не бываетъ полнымъ, и обычный максимум жизнесохранимости не достигается.

Но явленія роста обусловливаются перевѣсомъ прихода энергій надъ расходомъ, „питанія“ системы надъ ея „работою“; т. е., они обусловливаются опредѣленной формою жизнеразности, которую можно было бы назвать „положительной“ жизнеразностью“. Итакъ, эта положительная жизнеразность является условіемъ повышенія

¹⁾ Замѣчу, что ученіе объ аффекціоналѣ изложено здѣсь весьма неполно, а лишь настолько, насколько оно имѣетъ отношеніе къ нашей задачѣ.

²⁾ Здѣсь, правда, возможно еще такое сомнѣніе: не слѣдуетъ ли признать жизнесохранимость младенца больше чѣмъ жизнесохранимость взрослого, потому что первый можетъ еще прожить лѣтъ 70, а второй, сверхъ своихъ 30, врядъ ли проживетъ болѣе 40 лѣтъ? Но тутъ надо принять во вниманіе вотъ что: шансы младенца на 70 лѣтъ жизни очень малы—напр., 1 изъ 50—60; а шансы взрослого на 40 лѣтъ жизни довольно велики, напр., 1 изъ 5—6. Обобщающая тенденція науки не позволяетъ намъ считать первую величину жизнесохранимости больше второй: это значило бы—придать болѣе значенія частнымъ случаямъ, чѣмъ общему правилу. Изъ сопоставленія можно вывести только одно: что жизнесохранимость младенца еще можетъ возрасти въ процессъ его развитія, а для взрослого она уже близка къ максимуму, и врядъ ли еще увеличится; поэтому первый при благоприятныхъ условіяхъ и проживетъ дольше.

жизнесохранимости, а не пониженія, какъ изображаетъ Авенариусъ.

Другое дѣло — жизнеразность отрицательная, перевѣсъ работы надъ питаніемъ. Она ведетъ къ „истощенію“ системы, и дѣйствительно понижаетъ ея жизнесохранимость. Именно она выступаетъ на сцену въ громадномъ большинствѣ случаевъ болѣзней, потрясеній, страданій. Она характерна и для нормального періода деградации системы — для періода старости.

Періодъ положительныхъ жизнеразностей характеризуется процессомъ роста, развитія, возрастанія жизнесохранимости; періодъ отрицательныхъ — истощеніемъ, деградацией, пониженіемъ жизнесохранимости. Логично ли — сдѣлать изъ этого выводъ, что всякая жизнеразность является уменьшеніемъ жизнесохранимости, представляетъ изъ себя нѣчто непосредственно вредное?

Однако, эпоха относительнаго равновѣсія — зрѣлый возрастъ — есть вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха наибольшей приспособленности системы. Не слѣдуетъ ли вывести изъ этого, что равновѣсіе системы и должно признаваться ея „идеальнымъ состояніемъ“?

Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько такая мысль неправильна, достаточно вспомнить тѣ случаи, когда жизненное равновѣсіе достигается преждевременно. Если процессъ роста задерживается въ дѣтскомъ возрастѣ, не доходя до нормы, то равновѣсіе системы выступаетъ въ соединеніи съ весьма невысокой жизнесохранимостью; жизнесохранимость эта значительно меньше той, которая наблюдается при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, но при обычномъ перевѣсѣ питанія надъ работою.

Впрочемъ, врядъ ли кто и станетъ утверждать, что высокая приспособленность зрѣлаго возраста зависитъ именно отъ того, что устранены нормальныя жизнеразности дѣтства и юности — перевѣсъ питанія надъ работою. Вѣроятно, всякій согласится, что здѣсь высокая приспособленность достигается въ значительной мѣрѣ именно благодаря этимъ жизнеразностямъ, благодаря тому возрастанію энергіи системы, которое ими создается.

Весьма простая и, какъ мнѣ кажется, весьма убѣдительная дедукція въ самой общей формѣ укажетъ намъ связь между возрастаніемъ энергіи системы, и возрастаніемъ возможности ея сохраненія.

Законъ, по которому происходитъ разсѣяніе энергіи психической системы, въ различныхъ случаяхъ, вѣроятно, различенъ, — несомнѣнно, всегда очень сложенъ, и до сихъ поръ никогда почти намъ въ точности не извѣстенъ. Тѣмъ не менѣе, легко сообразить, что въ общемъ и среднемъ, гдѣ имѣется

большій запасъ накопленной энергіи, тамъ, при одномъ и томъ же законѣ процесса, она дольше можетъ и растрачиваться безъ окончательнаго разрушенія системы.—Поэтому, возрастаніе энергіи системы есть непосредственное возрастаніе возможности ея сохраненія; уменьшеніе энергіи—уменьшеніе возможности сохраненія.

Конечно, такъ обстоитъ дѣло лишь въ общемъ и среднемъ. Въ частныхъ случаяхъ законъ явленія можетъ быть и таковъ, что получатся противоположные результаты. Но опытъ показываетъ, что такіе случаи—не правило, а только исключеніе.

Изъ всего этого видно, насколько неудачное обобщеніе представляетъ изъ себя понятіе „жизнеразности“ у Авенаріуса. Оно имѣетъ два эвергетически противоположныхъ значенія, которыя оказываются противоположными и біологически, по ихъ отношенію къ жизнеспособности системы.⁴⁾

Примѣняя вульгарное сравненіе, два вида жизнеразности соответствуютъ дефициту и чистой прибыли: то и другое нарушаетъ равновѣсіе капитала, но въ весьма различномъ смыслѣ. Какъ для капиталиста условіемъ наибольшей устойчивости предпріятія является не простое сохраненіе прежняго баланса, но его расширеніе, такъ и для жизненной системы условіемъ наибольшей жизнеспособности слѣдуетъ считать не простое равновѣсіе, но развитіе, т. е. расширеніе жизненнаго процесса, основанное на возрастаніи его энергіи.

Разъ мы станемъ на эту точку зрѣнія, соответственно ей долженъ измѣниться и нашъ взглядъ на чувства удовольствія и страданія. Тогда чувство удовольствія представится намъ, какъ явленіе однозначашее съ непосредственнымъ увеличеніемъ энергіи психической системы, чувство страданія—съ ея уменьшеніемъ.

Такое воззрѣніе не найдетъ для себя никакихъ трудностей въ объясненіи тѣхъ фактовъ, которые, какъ мы видѣли, не мирятся со взглядами Авенаріуса. Пріятное самочувствіе при маниакальномъ состояніи выступитъ

⁴⁾ Итакъ, дѣло идетъ не о томъ, чтобы совсѣмъ устранить понятіе жизнеразности, а о томъ, чтобы строго различать два ея вида—положительный и отрицательный, придавая имъ противоположное біологическое значеніе соответственно противоположному энергетическому. Самъ Авенаріусъ изслѣдуетъ въ громадномъ большинствѣ своихъ примѣровъ явленія отрицательной жизнеразности, которая имѣетъ именно такое біологическое значеніе, какое онъ приписываетъ жизнеразности вообще; а потому въ его описаніи психическихъ процессовъ неправильность основнаго понятія сказывается лишь въ небольшомъ числѣ погрѣшностей.

предъ нами, какъ вполне естественный результатъ временнаго, вызваннаго артеріальной гипереміей перевѣса питанія надъ работою. Совершенно такова же физиологія того пріятнаго возбужденія, которое порождается дѣйствіемъ нѣкоторыхъ нервныхъ ядовъ. Окраска страданія, характеризующая эмоцію печали, вполне соотвѣтствуетъ тому относительному пониженію питанія, которое при этой эмоціи всегда наблюдается...

Мы приходимъ къ выводу, что теорія Авенаріуса, противорѣчащая энергетической точкѣ зрѣнія, не выдерживаетъ также біологической критики, и что напротивъ, воззрѣніе, опирающееся на энергетическій методъ, легко устраняетъ тѣ затрудненія, которыя представляетъ истолкованіе указанныхъ нами фактовъ, подрывающихъ теорію Авенаріуса.

Однако, теорія эта должна же имѣть какія-нибудь основанія? представленіе о непосредственно вредномъ характерѣ всякій жизнеразности, въ томъ числѣ и положительной, должно же опираться на какія-нибудь научныя данныя?

Въ пользу его приводится цѣлый рядъ физиологическихъ и патологическихъ фактовъ, которые, повидимому, доказываютъ, что и положительная жизнеразность, перевѣсъ усвоенія энергіи надъ ея затратами, влечетъ за собою печальныя послѣдствія для жизненной системы. Такъ напр., полное удовлетвореніе потребностей при недостаточныхъ затратахъ со стороны организма приводитъ по меньшей мѣрѣ къ пресыщенію, сплину и т. под. непріятностямъ. Маниакальное состояніе, при которомъ, какъ мы видѣли, питаніе мозга вначалѣ повышено по сравненію съ затратами, является серьезной болѣзнію...

Но во всѣхъ такихъ случаяхъ, если разсмотрѣть ихъ внимательнѣе, оказывается, что пониженіе жизнесохранимости выступаетъ не какъ первичное, а какъ послѣдовательное явленіе. Непосредственнаго пониженія жизнесохранимости и здѣсь не наблюдается, пока ассимиляція, усвоеніе энергіи дѣйствительно преобладаетъ надъ противоположнымъ процессомъ. При чрезмѣрно благоприятныхъ условіяхъ жизни пресыщеніе и сплины наступаютъ не тогда, когда энергія нервной системы еще продолжаетъ возрастать: въ это время люди, напротивъ, чувствуютъ себя очень хорошо. Здоровье ихъ разстраивается уже тогда, когда на почвѣ измѣненнаго необычнымъ сочетаніемъ условій строенія нервнаго аппарата выступаетъ жестокая растрата нервной энергіи.¹⁾ Является хроническое сжатіе мелкихъ сосудовъ,

¹⁾ Здѣсь мы имѣемъ передъ собою явленіе вполне одного типа съ общими кризисами капиталистическаго производства. Ростъ производительныхъ силъ есть фактъ,

т. е. судорожные процессы въ вазомоторной сферѣ: съ одной стороны затрачивается масса нервной энергіи на это повышение иннервациі, съ другой—уменьшается та поверхность, черезъ которую происходитъ питаніе тканей.— Точно также при маниакальномъ состояніи непосредственное пониженіе жизнесохранимости наступаетъ не сразу: вначалѣ человѣкъ хорошо себя чувствуетъ, его внѣшній видъ становится болѣе здоровымъ, чѣмъ прежде, жизненная упругость тканей возрастаетъ, мускульная сила увеличивается. Но затѣмъ, благодаря громадной растратѣ нервной энергіи на импульсивныя движенія, а также благодаря нарушающему питаніе отравленію различныхъ тканей продуктами усиленной жизнедѣятельности, дезассимиляція получаетъ перевѣсъ надъ ассимиляціей; жизнеразность изъ положительной переходитъ въ отрицательную, и организмъ начинаетъ быстро истощаться, теряя свою жизнесохранимость.

Итакъ, положительная жизнеразность соединяется въ приведенныхъ случаяхъ съ вредомъ для системы не сама по себѣ, а потому, что ея данная форма, измѣняя строеніе системы, влечетъ за собою еще большую жизнеразность отрицательную. Первая и здѣсь выступаетъ, какъ непосредственное благо; только здѣсь оно оказывается особенно кратковременнымъ, обращаясь въ значительное зло. Вообще, подобные факты доказываютъ какъ разъ противоположное тому, что обыкновенно изъ нихъ выводится.

Равновѣсіе есть идеаль статическій, развитіе—историческій. Ученіе Авенаріуса, нами разобранное, основано на статическомъ представленіи; поэтому оно и терпитъ крушеніе, встрѣчаясь съ фактами развитія. Идеаль „чистаго сохраненія“, абсолютнаго консерватизма жизненныхъ формъ, идеаль этотъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ основной тенденціей современной науки о жизни. Со временъ Дарвина біологія стремится связывать сохраненіе формъ съ ихъ развитіемъ, находитъ въ полезныхъ измѣненіяхъ формъ существенное условіе ихъ консерватизма. При этомъ она постоянно имѣетъ въ виду консерватизмъ относительный, а не абсолютный, не такой, который страдаетъ отъ всякаго жизненнаго колебанія.

вообще говоря, благопріятный для жизнесохранимости общества, какъ и возрастаніе энергіи центральнаго нервнаго аппарата—для его жизнесохранимости. Но, совершаясь не гармонически, не пропорціонально въ различныхъ частяхъ общественной системы, ростъ производительныхъ силъ можетъ вызвать такое измѣненіе во внутреннихъ отношеніяхъ системы, которое является причиной послѣдующихъ громадныхъ растратъ общественно-трудовой энергіи, растратъ совершенно непроизводительныхъ. Такъ же обстоятъ иногда дѣло съ накопленіемъ энергіи въ отдѣльной психической системѣ.

Такимъ образомъ, энергическій методъ послужилъ для насъ во-1), орудіемъ критики тѣхъ представленій, исходной точкой которыхъ является статическая тенденція мышленія; и критика эта оказалась въ полной гармоніи съ современнымъ ученіемъ о развитіи. Во-2), онъ далъ намъ возможность на мѣсто отвергнутаго представленія поставить другое, по которому непосредственно-вредное и непосредственно-полезное для жизненной формы сводится не къ жизнеразности и ея устраненію, но просто—къ пониженію и повышенію энергіи жизненнаго процесса. При этомъ и психологическіе факты удовольствія и страданія получаютъ иное, болѣе согласное съ опытомъ освѣщеніе: они связываются не съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ жизнеразности, но съ повышеніемъ или понижениемъ энергіи центровъ сознанія.

Убѣждаясь на опытъ, что энергетическій методъ можетъ быть полезенъ и въ объясненіи психическихъ фактовъ, и въ критикѣ существующихъ объясненій, мы тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ взять его руководителемъ въ нашемъ изслѣдованіи.

4. Порядокъ изслѣдованія.

Установивши для своего изслѣдованія энергетическую точку зрѣнія, какъ основную, мы тѣмъ самымъ беремъ на себя обязательство подчинять этой точкѣ зрѣнія всѣ частныя приемы изслѣдованія, какіе придется употреблять въ отдѣльныхъ случаяхъ; никакое представленіе, ей противорѣчащее, не можетъ допускаться до тѣхъ поръ, пока она не будетъ опровергнута фактами и точными обобщеніями. Всякій примѣняемый нами методъ мы должны, по возможности, ставить въ логическую связь съ энергетическимъ методомъ, устанавливая между первымъ и вторымъ такое отношеніе, какое существуетъ между частнымъ и общимъ. Только въ томъ случаѣ, если все это намъ удастся безъ противорѣчія съ дѣйствительностью, и если все это фактически облегчитъ намъ пониманіе дѣйствительности, — только тогда можетъ идти рѣчь объ успѣшномъ разрѣшеніи нашей задачи; разрѣшеніе это будетъ, конечно, приблизительнымъ и временнымъ.

Отъ этихъ общихъ и предварительныхъ соображеній относительно метода изслѣдованія перейдемъ къ такимъ же общимъ и предварительнымъ соображеніямъ относительно порядка изслѣдованія. Здѣсь затрудненій гораздо меньше: въ развитіи науки уже выработалась опредѣленная, наиболѣе цѣлесообразная послѣдовательность работы познанія, которая, созна-

тельно или бессознательно, примѣняется во всякой научной работѣ, гдѣ дѣло идетъ объ анализѣ явленій съ исторической точки зрѣнія.

Эта послѣдовательность соответствуетъ той, въ которой исторически происходило и происходитъ развитіе науки. Сначала явленія изучаются статически: они рассматриваются въ ихъ всеобщей связи, какъ самостоятельные, отдѣльные „предметы“ съ постоянными „свойствами“; затѣмъ они изслѣдуются исторически, какъ процессы, находящіеся въ связи съ другими и подъ ихъ вліяніемъ измѣняющіе свое теченіе.

Само собой разумѣется, что изслѣдователь, уже стоящій на почвѣ историческаго міровоззрѣнія, ни на минуту не можетъ вернуться къ настоящему статическому способу мышленія; онъ ни на минуту не можетъ отрѣшиться отъ представленія объ изучаемыхъ явленіяхъ, какъ процессахъ, неразрывно связанныхъ въ общемъ единствѣ природы. Но для статическаго изслѣдованія нѣтъ и надобности возвращаться къ статическому мышленію. Достаточно разсмотрѣть ходъ процесса въ условіяхъ чистаго консерватизма, когда вліянія на него со стороны другихъ процессовъ остаются постоянными и взаимно уравновѣшенными. Конечно, такія условія существуютъ лишь въ отвлеченіи; но дѣйствительность можетъ болѣе или менѣе значительно къ нимъ приближаться. Отвлекаясь отъ измѣненій въ ходѣ процесса, выясняя его собственную правильность, его собственную закономѣрность, изслѣдователь создаетъ понятіе о формѣ процесса.

Наблюдая какой-нибудь процессъ, напр., кристаллъ горной породы, въ различные моменты его существованія, познающій получаетъ сходныя впечатлѣнія; это сходство впечатлѣній онъ статически выражаетъ, говоря о „постоянныхъ свойствахъ предмета“; при историческомъ же способѣ познанія это сходство ведетъ къ установленію непрерывности процесса, его единства существованія. Въ то же время познающій отличаетъ данный процессъ отъ другихъ, смежныхъ съ нимъ въ пространствѣ и времени, выдѣляетъ его изъ его среды. Въ наблюденіяхъ, связь между элементами кристалла оказывается иной, чѣмъ та, которая существуетъ между элементами его среды; притомъ, она приблизительно одинакова для различныхъ частей кристалла, и значительно измѣняется только въ той пограничной области, гдѣ онъ сливается со своею средой. Такимъ способомъ устанавливается отдѣльность процесса. Единство существованія и отдѣльность процесса немислимы одно безъ другого. Вмѣстѣ они составляютъ форму процесса.

Форма процесса относительна: его единство и отдѣльность не безу-

словны, они имѣютъ свои предѣлы. Данный процессъ находится въ неразрывной реальной связи съ другими процессами, и эта связь ограничиваетъ его отдѣльность; подъ дѣйствіемъ другихъ процессовъ онъ измѣняетъ свою форму, закономерность своего теченія, — и эти измѣненія ограничиваютъ его единство существованія. Онъ не только выдѣляется познаніемъ изъ своей среды, но познается и какъ одно съ нею; онъ не только одно и то же для познанія, но и нѣчто различное въ различные моменты времени. Итакъ, если форма процесса относительна, если она измѣняется вліяніемъ другихъ процессовъ, то возникаетъ вопросъ о законѣмѣрности этихъ измѣненій¹⁾.

Такъ мы переходимъ къ другой стадіи познанія, когда процессы разсматриваются въ ихъ взаимной связи и переходѣ однихъ въ другіе. Отъ формы процесса, которая представляетъ статическій моментъ познанія, мы переходимъ къ законамъ ея измѣненій, къ историческому моменту познанія. Въ то же время это переходъ отъ болѣе абстрактнаго къ менѣе абстрактному, но и отъ частнаго къ общему: форма процесса есть его закономерность среди равновѣсія вѣншихъ вліяній; а такое равновѣсіе есть лишь идеальный и частный моментъ въ явленіяхъ; отсутствіе равновѣсія и измѣчивость — общая характеристика явленій.

Здѣсь чрезвычайно возрастаютъ трудности изслѣдованія. Громадная сложность изучаемыхъ явленій, дѣлающая весьма нелегкимъ даже статическое ихъ описаніе, представляетъ тѣмъ большія препятствія для историческаго ихъ объясненія. Чтобы незапутаться въ сплетающихся между собою рядахъ причинъ и слѣдствій, необходима строгая послѣдовательность анализа. Не трудно понять въ чемъ эта послѣдовательность заключается.

Въ исторіи сложное развивается изъ простаго; въ наукѣ сложное объясняется черезъ простое. Начинать необходимо съ простѣйшихъ формъ, какія мы можемъ установить въ непрерывномъ ряду развитія.

Явленія познавательныя представляютъ изъ себя сложный продуктъ соціального развитія жизни. Соціальность есть высшій результатъ психическаго развитія въ животномъ царствѣ. Психика — сложнѣйшая изъ формъ біологическаго развитія. Продолжить эту цѣпь дальше, въ область неорганическаго, наука въ наше время не можетъ. Стало быть, изученіе познавательныхъ процессовъ приходится начинать съ ихъ біологическихъ основъ. Та-

¹⁾ Понятіе о формѣ процесса намѣчено здѣсь лишь въ самой сжатой формѣ и въ общихъ чертахъ; подробнѣе излагалось оно въ другой моей работѣ („Основн. элем. истор. взгляда на прир.“, глава 2, I части — „Формы движенія“).